

Глава 28

Дверь захлопнулась с тяжелым стуком.

Лишь оказавшись в комнате, Сун Бай Сюй заметил, что запястье Янь Чао сильно покраснело. На бледной коже отчетливо виднелись багровые отпечатки пальцев — след его недавней хватки.

— Прости, — в его голосе прозвучало искреннее раскаяние, и он невольно прикусил нижнюю губу. — Я... я просто вспылал и не рассчитал силу. Мне правда очень жаль.

В каждом его слове сквозило беспокойство и робкая надежда на прощение:

— Старшекурсник... больно?

— Ничего страшного, — Янь Чао слегка потер запястье. — Просто следы яркие, не вини себя.

— Ты сначала прими душ, чтобы не простудиться, — Сун Бай Сюй опустил глаза и добавил совсем тихо: — А я попрошу принести имбирный отвар. Вечером на палубе было холодно, лучше перестраховаться.

Янь Чао перестал растирать руку и замер.

— Ты разве не злишься?

Сун Бай Сюй внезапно вскинул голову, встретился с ним взглядом и тут же в смятении отвернулся.

Глубоко вздохнув, он ответил:

— Злюсь.

— Раз ты злишься и чувствуешь гнев, зачем же его подавлять? — Янь Чао протянул руку и, обхватив юношу за подбородок, властно заставил того смотреть себе в глаза. Его взгляд был спокойным, но в глубине мерцал холод. — Я уже говорил, что между мной и Сун Янем ничего не будет, и я не лгал тебе. Он хотел всё вернуть, но я отказал ему.

— Ты вправе выплеснуть свое недовольство. Не думаю, что тот укус заставил тебя полностью остыть. — Янь Чао смотрел в его растерянные глаза. — В здоровых отношениях обе стороны должны идти на уступки. Тебе не нужно постоянно сдерживаться, попробуй быть чуть более раскованным.

В его зрачках промелькнула едва уловимая тень странного чувства.

— Я скажу это лишь однажды: рот человеку дан для того, чтобы говорить. А-Сюй, ты должен понимать это лучше, чем Сун Янь.

Сун Бай Сюй ошеломленно смотрел на него, и его кадык едва заметно дернулся.

Это было... слишком.

Янь Чао слегка качнул его лицо, не выпуская подбородка:

— О чем ты задумался?

— Да нет, я просто... — взгляд юноши замер на влажных и темных ресницах собеседника. Пленный этой холодной красотой, он честно выпалил то, что было на душе: — Рот нужен не только для того, чтобы говорить. Им можно еще и целоваться.

— ...

Янь Чао удивленно вскинул бровь.

Встретившись с его ироничным, почти смеющимся взглядом, Сун Бай Сюй осознал, что именно сорвалось с его языка.

— ...

Лицо юноши мгновенно залил густой румянец.

«В этом нельзя винить только меня», — подумал Сун Бай Сюй.

Обычно такой сдержанный, отстраненный и ленивый Янь Чао внезапно проявил свою истинную натуру — властную и доминирующую. Но при этом его глаза всё еще оставались холодными, и это...

Это вызывало безумное желание поцеловать его. Заставить этот ледяной взгляд затуманиться, вырвать из него живые, искренние и первобытные эмоции.

Сун Бай Сюй затаил дыхание и прошептал:

— Можно?

Янь Чао слегка прищурился. Его тон оставался бесстрастным, словно он и впрямь не понимал, о чем речь:

— Что именно — можно?

Юноша осторожно коснулся его прохладных пальцев, чуть закинув голову. Поза его была на редкость покорной, а голос — вкрадчивым и мягким:

— Брат, я хочу поцелуя.

Избалованный и своенравный молодой господин, который привык ни в чем себе не отказывать, который мог вспылить и, не моргнув глазом, столкнуть родного дядю в бассейн — капризный и упрямый.

И этот же человек сейчас спрятал все свои колючки и, словно ручной зверек, открыто просил ласки.

Янь Чао не знал, было ли это притворством или истинной натурой А-Сюя, но это не имело значения.

Он признал, что ему это нравится.

Фу Южун был прав — Янь Чао действительно не мог устоять перед подобным.

Его черты смягчились, а уголки губ чуть дрогнули в улыбке.

— Хорошо.

Янь Чао шевельнул пальцами. Его ладонь легла на подбородок юноши, средний палец уперся в область гортани, а указательный и большой крепко обхватили челюсть. Слегка надавив, он заставил Сун Бай Сюя еще сильнее откинуть голову назад, полностью открывая его покрасневшее лицо своему взору.

Шея юноши изогнулась до предела, образуя тонкую и беззащитную линию от подбородка до ключиц.

Янь Чао медленно опустил взгляд. Заметив, что дыхание партнера окончательно сбилось, он негромко напомнил:

— Не забывай дышать.

С этими словами он склонился к нему. Не обнимая и не притягивая к себе, он поцеловал его, всё так же удерживая за лицо.

В этом тесном пространстве их дыхание смешалось, а температура в прихожей, казалось, начала стремительно расти.

Спустя долгое время Янь Чао прервался, чтобы вновь напомнить:

— Я же сказал: делай вдохи.

Он отпустил его лицо и перехватил за талию, опасаясь, что у юноши подогнутся ноги.

Сун Бай Сюй с трудом восстановил дыхание. Глядя на безупречного Янь Чао, чьи губы лишь стали чуть ярче, а ритм сердца остался ровным, он почувствовал азарт и легкое разочарование.

— Еще раз.

Он слегка приподнялся на цыпочках, обхватил шею Янь Чао руками и снова впился в его губы, на этот раз настойчивее.

Янь Чао позволил ему какое-то время неумело ласкать и покусывать свои губы, но в конце концов мысленно вздохнул. Слегка хлопнув Сун Бай Сюя пониже спины, он вновь взял инициативу на себя.

Когда они наконец отстранились друг от друга, между их губами на мгновение натянулась тонкая серебристая нить.

После такого долгого поцелуя голос Янь Чао стал чуть хриплым:

— На сегодня хватит. Мне пора в душ.

Он большим пальцем стер влагу со своей нижней губы, ощущая покалывание и жар. А затем совершенно спокойно добавил:

— Тебе тоже не мешает остыть.

— ...Ох, — Сун Бай Сюй что-то невнятно пробормотал, пытаясь собрать мысли в кучу. — Может... примем душ вместе?

Он слегка потянул Янь Чао за край футболки, глядя на него влажными, сияющими глазами:

— У меня тут... есть всё необходимое.

— ...

Янь Чао щелкнул его по лбу.

— О чем ты только думаешь? Я пойду мыться к себе.

Несмотря на отказ, Сун Бай Сюй не расстроился. Он потер лоб и лукаво замигал:

— Тогда продолжим, когда старшекурсник освободится?

— Когда учитель освободится, он ляжет спать, — Янь Чао усмехнулся. — Именно спать, в самом прямом смысле этого слова.

— ...Тогда спокойной ночи.

Сун Бай Сюй нехотя отступил, освобождая дорогу. Но прежде чем Янь Чао вышел за дверь, он нежно добавил:

— Брат Янь, завтра вечером тебя ждет сюрприз.

— Что ж, — Янь Чао обернулся. Его лицо в мягком свете казалось безупречным, а в глазах плясали смешинки. Чуть приподнятые уголки век придавали ему неопишное очарование. — Я буду ждать.

— Спокойной ночи.

/White/: «Днем у меня дела, не смогу составить тебе компанию. Увидимся вечером!»

/White/: «Даже если мы расстаемся всего на пару часов, не забывай скучать по мне!»

В конце сообщения красовался анимированный котенок, забавно перекатывающийся с боку на бок.

Янь Чао увидел эти сообщения, когда как раз отложил изогнутый лук, чтобы попить воды. Одной рукой он открутил крышку, сделал несколько глотков и, не глядя, быстро набрал ответ.

— Это Сун Бай Сюй тебе пишет?

Внезапно раздавшийся за спиной голос заставил Янь Чао непроизвольно нахмуриться. Он поставил бутылку и холодно произнес:

— Сун Янь, ты что, решил стать моей тенью?

Сун Янь проигнорировал сарказм, продолжая гнуть свою линию:

— Ты улыбнулся, как только увидел сообщение... Чао, неужели Сун Бай Сюй настолько тебе по душе?

«По душе?»

Странный выбор слов. Обычный человек спросил бы, нравится он ему или нет.

Но...

Янь Чао даже не удостоил его взглядом, поправляя защитную перчатку на пальцах.

— Тебя это не касается.

— Но всего два месяца назад ты говорил, что любишь меня, — Сун Янь замер в трех шагах от него, горько усмехнувшись. — Янь Чао, ты сомневаешься в моей искренности. А как насчет тебя? Сколько искренности было в твоих чувствах?

— Если чувства искренни... разве можно спустя два месяца после расставания обручиться с другим? — Он прервался, заходясь в тяжелом кашле. Бледные щеки покрылись нездоровым румянцем. Едва отдышавшись, он продолжил сиплым голосом: — Янь Чао, почему ты молчишь? Ты даже не хочешь на меня смотреть.

— ...

Янь Чао достал из колчана длинную стрелу. Одним плавным движением он наложил её на тетиву и с силой потянул назад.

Лук изогнулся полной луной.

Раздался резкий свист — стрела рассекла воздух и вонзилась точно в центр мишени.

Тянясь за второй стрелой, Янь Чао негромко произнес:

— Говорить об искренности сейчас... просто бессмысленно.

Он снова натянул тетиву, прищутив левый глаз. Его голос был чистым и холодным:

— Всё в прошлом.

Он едва сдержался, чтобы не добавить: «Ты для меня — лишь пустая страница».

— Ты можешь и дальше обманывать себя, можешь верить, что я всё еще не остыл — это твое дело.

— Но между нами больше ничего невозможно. — Третья стрела сорвалась с тетивы. — Даже если бы не было А-Сюя, я бы не выбрал тебя.

«А-Сюй?»

Сун Янь мысленно повторил это ласковое имя, ощущая на языке горечь — то ли от простуды, то ли от чего-то иного.

— Кажется, этот «инструмент для брака по расчёту», который тебе подсунула семья Сун, и впрямь пришелся тебе по вкусу, — Сун Янь самодовольно усмехнулся. — Что ж, это логично. Хорошая семья, белая кожа, тонкая талия... Молодой и смазливый мальчишка — кто бы устоял?

«Псих. Еще и "инструментом" его называет».

Впрочем...

— Ты прав, — Янь Чао потер слегка онемевшие кончики пальцев. Его темные, пронзительные глаза скользнули по фигуре Сун Яня. — Зачем мне выбирать кого-то другого, если есть он — моложе и лучше?

Уголки его губ чуть приподнялись в едва заметной, лишенной тепла улыбке.

— Не ты ли сам говорил мне когда-то: «Я еще молод, зачем вешаться на одном дереве?»

Выпустив последнюю стрелу, Янь Чао отложил лук и направился к зоне отдыха. Снимая защитное снаряжение, он наконец соизволил взглянуть Сун Яню прямо в лицо.

Тот выглядел ужасно: бледный, с бескровными губами и покрасневшими глазами. В его взгляде читались лишь бесконечная тоска и мольба. Он казался хрупким сосудом, готовым разбиться в любую секунду.

По правде говоря, Сун Яня можно было назвать «ледяным красавцем». И по всем законам жанра, когда лед тает, а красавец страдает, это должно вызывать жалость.

Однако...

Янь Чао лишь презрительно хмыкнул и, подхватив свой термос, прошел мимо, задев Сун Яня плечом.

— Прекращай разыгрывать передо мной эту драму. Это начинает раздражать.

Сун Янь смотрел ему в спину, пока тот не скрылся из виду. Спустя мгновение он вытер уголок глаза, и скорбная маска вместе с тоской мгновенно исчезли с его лица.

Сотрудник тира, который в тишине собирал снаряжение, невольно вздрогнул от этого жуткого преображения.

— Вот как? — Сун Янь уставился на пустой дверной проем, пробормотав себе под нос: — Что ж, тогда не вини меня, если мне придется применить силу...

— Господин Янь, это просил передать господин Сун Бай Сюй, — официант в строгом костюме достал с нижней полки тележки широкий плоский лазурно-синий футляр и протянул его Янь Чао. — Господин Сун также просил передать, что ждет вас через полчаса на верхней палубе.

«Вечно этот ребенок наводит таинственность».

Янь Чао закрыл дверь каюты и потянул за край молочно-белой ленты. Крышка коробки легла на тумбу в прихожей.

Внутри лежал альбом формата А4. Его мягкая обложка была угольно-черной, а в центре масляной пастелью было нарисовано золотистое утреннее солнце и серебристое изогнутое перо. Весь альбом был бережно затянута в защитную пленку, чтобы не повредить рисунки.

Сквозь пластик Янь Чао коснулся неровной фактуры штрихов и в глубине души уже догадался, что это.

На первой странице стояли даты.

Этот альбом велся долгих восемь лет.

Рядом была приклеена маленькая записка:

«Прошу, прости меня — я совершенно не умею красиво говорить. Я долго пытался подобрать слова, переписывал этот текст десятки раз, но в итоге решил выбрать то, что у меня получается лучше всего: нарисовать свои чувства. Всё, о чем я думал и о чем мечтал, хранится на этих страницах. Это самый искренний и серьезный "залог любви", который я смог придумать. Надеюсь, тебе понравится. (P.S. Пожалуйста, не чувствуй себя обязанным, это просто подарок (0v0))».

Янь Чао перевернул страницу.

Первым был черно-белый набросок в стиле маньхуа. Бумага со временем заметно пожелтела.

На рисунке был запечатлен сам Янь Чао — таким, каким он был при их первой встрече.

Рождественская ночь, хлопья первого снега, ветка омелы и юный Янь Чао в красно-белой маске кролика.

На губах его играла легкая улыбка, а весь облик дышал чистотой и юностью.

Под рисунком стояла дата — на следующий день после Рождества.

Чуть ниже была приписка мелким почерком: «YZ... Не знаю даже, какими иероглифами пишется твое имя. Так хочется познакомиться».

На втором рисунке он стоял на ступенях с охапкой роз, холодно и надменно взирая на толпу внизу.

Приписка, передающая чувства художника в тот миг, гласила: «Неужели старшекурсник ненавидит... цветы? Немного неловко это признавать, но когда он сердится, прижимая к себе розы, он выглядит чертовски красиво».

Янь Чао листал страницу за страницей. Большинство рисунков были выполнены в стиле маньхуа: одни раскрашены цветными карандашами или акварелью, другие — небрежно набросаны синей шариковой ручкой... С каждой новой страницей штрих становился увереннее, а стиль — индивидуальнее. В углу каждой работы неизменно стояла дата и короткая заметка.

«Начинаю готовиться к вступительным... География — это просто кошмар QwQ».

На странице был нарисован целый калейдоскоп из маленьких фигурок Янь Чао, а в левом нижнем углу пристроился плачущий А-Сюй, обнимающий маленького кролика-старшекурсника.

«Как мило».

Услышав собственный смешок, Янь Чао поймал себя на мысли, что этот парень и впрямь его очаровал.

«Прошел творческий конкурс в университете N! Второе место в рейтинге! Я молодец, хе-хе! Если подтяну теорию, смогу учиться в одном университете с моим героем!»

Этот комикс из четырех кадров был раскрашен яркими, сочными цветами. Видимо, у художника в тот день было чудесное настроение. Глаза персонажа сияли, а блики были подчеркнуты блестками, словно в них зажглись маленькие звезды.

«Пришло уведомление о зачислении в университет N! Скорее бы сентябрь!»

Здесь был нарисован маленький А-Сюй, который обнимал объемное письмо из университета, раза в два больше него самого.

Следующие десять страниц рассказывали о летних каникулах Сун Бай Сюя после экзаменов:

«Первая остановка — Токио. В храме Сэнсо-дзи купил для учителя оберег хонсон-мамори. Пусть в его жизни всё будет гладко и благополучно!»

«Добрался до Берлинского собора... Слышал, что здесь разрешают заключать браки даже однополым парам».

«Последняя точка — Берген. Собрал целую кучу открыток и сувениров. Когда начнется учеба, подарю их все учителю, хе-хе».

«Вернулся в Ганчэн... И заметил, что этот альбом заполнен уже на треть».

«До начала занятий три дня. Жду встречи, хотя он, скорее всего, меня и не помнит».

На следующей странице был набросок Янь Чао, репетирующего танец перед зеркалом в зале. Рисунок остался незавершенным: фигура была проработана детально, но тени и фон едва намечены.

На краю бумаги виднелись следы от капель воды — они высохли, оставив неровные разводы.

«Кажется, я опоздал».

Увидев эту фразу, Янь Чао на мгновение замер.

Дальнейшие двадцать страниц были посвящены годам его учебы в университете N.

Вот он сидит за ноутбуком в очках в черной оправе, сосредоточенно слушая лекцию. Вот — с раздражением крутит ручку в пальцах, заставляя себя зубрить слова для экзамена. А вот — присел на корточки под зонтом, подкармливая бродячего кота.

Эти рисунки были черно-белыми, сухими. В углу стояли только даты, без каких-либо комментариев.

Но на одной из страниц цвет вернулся.

Две забавные фигурки: надувшийся Янь Чао в толстовке с кроличьими ушками и сияющий Сун Бай Сюй, который кружится вокруг него, разбрасывая цветы. Вокруг них были нарисованы толстые, мультяшные грибы.

«20XX.05.21 / Ура! Он расстался с тем парнем!!! Мне не придется идти против совести и разбивать чужое счастье!!!»

«Плохие новости: старшекурсник уезжает в магистратуру за границу».

«Я так устал... Больше не хочу любить тебя. Хочу сдать».

«С сегодняшнего дня ввожу в действие план "Разлюбить старшекурсника Яня"».

На следующей странице дата прыгнула сразу на полгода вперед.

Янь Чао замер в изумлении.

Здесь не было рисунка — вместо него были приклеены две фотографии.

В пустоте между снимками аккуратным почерком было выведено: «План провалился. Я всё еще люблю тебя... Впрочем, это неважно. Я просто хотел тебя увидеть. Поэтому я здесь».

«В Сан-Франциско тоже идет снег».

На первом фото был запечатлен вид на Ист-Бэй зимней ночью — огни города, укрытого снегом.

Второй снимок был сделан издалека: Сун Бай Сюй направил камеру на свое лицо, щека его покраснела от холода, глаза-щелочки светились радостью, а пальцы были сложены в нелепый знак «виктори». Его указательный палец указывал точно на фигуру, стоящую в отдалении.

Это был Янь Чао. На нем было черное пальто, шарф небрежно накинут на плечи, маска спущена на подбородок. Он держал телефон у уха, с кем-то разговаривая. На его темных ресницах лежали снежинки, а выражение лица было холодным и отстраненным.

Фоном служило Южное здание Калифорнического университета в Беркли в рождественском убранстве.

В этом университете Янь Чао учился в магистратуре.

Значит... когда он был за границей, Сун Бай Сюй прилетал к нему?

Но если он был там... почему не подошел?

Пролететь десять часов через океан только ради того, чтобы сделать одно тайное фото издалека?

«Глупый...»

Янь Чао и сам не мог понять, чего в его душе сейчас было больше — нежности или горького сожаления.

В альбоме оставалось еще несколько страниц, но его пальцы замерли на фотографии. Опомившись, он первым делом набрал номер Сун Бай Сюя.

— Старшекурсник? — в трубке раздался звонкий голос, полный тепла. Янь Чао невольно представил, как юноша сейчас улыбается — его глаза наверняка превратились в узкие щелочки, а на щеках проступили едва заметные ямочки.

Янь Чао помолчал пару секунд, а затем произнес низким, бархатным голосом:

— За первый снег в Хучэне и за ту ночь в Сан-Франциско... прости меня.

Прости, что меня не было рядом.

И мне жаль... что мы не познакомились раньше.

<http://bllate.org/book/16124/1587237>